

Вспоминают дети войны.

**КАЗАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. Н. ТУПОЛЕВА – КАИ –**

**МБОУ «Лицей №5» заключили договор о сотрудничестве с данным вузом и
встречаются с ветеранами и тружениками тыла.**

Содержание:

- Приграничные сражения (22-30 июня 1941 г.)
- Оборона Киева (7 июля – 26 сентября 1941 г.)
- Битва за Ленинград (10 июля 1941 г. – 9 августа 1944 г.)
- Битва за Москву (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.)
- Воронежско-Ворошиловградская операция (28 июня – 24 июля 1942 г.)
- Сталинградская битва (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 г.)
- Битва за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.)
- Харьковская наступательная операция (2 февраля – 3 марта 1943 г.)
- Смоленская наступательная операция (7 августа – 2 октября 1943 г.)
- Донбасская наступательная операция (13 августа – 22 сентября 1943 г.)
- Битва за Днепр (26 августа – 23 декабря 1943 г.)

Приграничные сражения (22-30 июня 1941 г.)

По дорогам войны

(Воспоминания Асии Нуриевны Урманцевой, ассистента кафедры общей физики КАИ)

Начало войны застало нас в Белоруссии. Отец был врачом и перед войной был направлен на работу в Западную Белоруссию, где в звании военврача III ранга командовал пограничным госпиталем. Там, в километре от немецкой границы, и застала нас война. В последние дни только и разговоров было о Казани. Отец давно оформил отпуск, и все шло к тому, что в конце концов он вернется на «гражданку». Более того, на понедельник, 23 июня, были уже куплены билеты. Судьба: не хватило всего одного дня, чтобы жизнь и моя, и моей семьи потекла по совсем иному руслу.

«Вставайте, дети, война», – сказала мама. Отец уже был в форме и затягивал портупею. Он молча поцеловал меня, брата, маму и ушел. Вокруг беспрерывно гремело. Мы с братом выскочили за калитку и услышали нарастающий гул. Низко над нашей улицей летел самолет. Невероятно, но я до сих пор помню лицо немецкого летчика, словно моментальная фотография запечатлелась в памяти: белый шлем, довольная улыбка на горбоносом лице.

Нас схватил хозяин, у которого мы квартировали, и потащил в дом: «Вы же дети радецкого офицера! Нас он не тронет, а вас в миг пристрелит!». Будто летчик со своей высоты мог определить наше гражданство! Оправившись от шока, хозяин начал запрягать телегу и укладывать на нее керосин, хлеб, сало, одеяла, подушки, чтобы отправиться в лес и там переждать начавшуюся заваруху. Никто, как я поняла позже, и в мыслях не держал, что какая-то Германия окажет серьезное сопротивление доблестным войскам великого Советского Союза.

В лес «переждать войну» мы, слава Богу, не поехали. Я, брат, мама уже сидели на телеге, когда во двор неожиданно вкатилась отцовская «эмка», и мой кумир – шофер дядя Вася закричал: «Военврач приказал немедленно ехать в часть! Скорее! Говорят, немцы уже у околицы!». Мама впопыхах схватила почему-то две подушки и эмалированный чайник, а хозяин успел сунуть нам в руки огромный шматок сала.

Мы мчались по дороге, а на пригорке, сзади нас, уже показались немецкие танки. «Не оглядывайтесь, убьют!» – кричала мама. Где-то высоко над нами летели самолеты, и я видела, как от них отрываются черные точки – бомбы. Кругом ухало и гремело. А вот на территории госпиталя было удивительно тихо. На плацу – полупорка. Нас закинули в кузов, где уже стояли, тесно прижавшись друг к другу, женщины и дети: мест для сидения не было. Это были члены семей офицеров, для семей старшин и сержантов срочной службы (не знаю, как точно назывались тогда эти звания) мест уже не было. Что с ними стало, одному Богу известно. А еще помню, как в кузов закидывали деньги – пачки десяток, обернутых банковской лентой. «Военврач приказал очистить кассу госпиталя и деньги раздать вам», – объяснил солдат.

Проехав через полыхающий от пожаров Минск, мы оказались на огромном, уже колосившемся ржаном поле. А рядом пытит паровоз с прицепленными вагонами – теплушками. Мы кое-как разместились прямо на деревянном полу вагона. Поезд проехал всего чуть-чуть, как началась воздушная тревога. Состав останавливается, кто-то командует, чтобы мы спрятались во ржи. Когда налет закончился, мы вернулись в поезд.

После многочисленных бомбежек мы пересекли, наконец, линию фронта, а ненавидимый нами паровоз был заменен другим – «Иосиф Сталин». Мама плакала от счастья. На перроне – дымящиеся котлы с борщом. Это для нас – не то эвакуированных, не то беженцев. На соседних путях стоит состав, битком набитый новобранцами. Они кидают нам в окошко конфеты и какую-то мелочь: «Вспоминайте нас, родные! Едем на фронт».

На той станции скопилось несколько эшелонов с эвакуированными. Ну, а от нашего состава переехали через линию фронта лишь четыре из десяти вагонов. Сначала мы были в середине состава, а на первую, мирную станцию прибыли последними. Остальные, набитые до отказа женщинами и детьми, сгорели от бомб... Отчетливо помню, как всю дорогу нестерпимо хотелось пить, а приходилось сосать ненавистное сало, которое нам сунул в дорогу хозяин квартиры. Но на воду был категорический мамин запрет: ходил слух, что все колодцы вдоль дороги отравлены. Слух подтвердился: в углу теплушки над трупом девочки плакала старушка, которая напоила внучку такой водой. А чайник и две подушки, в панике прихваченные мамой из дома, пригодились – во время обстрелов она накрывала нас с братом подушками, чайником же прикрывала свою голову.

Наш эшелон, обогнув Москву, шел на восток и, на наше счастье, как раз через Казань. Начальник состава запретил покидать вагоны. Но мама каким-то чудом все-таки вырвалась. Выходим с чайником и подушками на привокзальную площадь, а там сидит в тарантасе наш дядя, Насиб Хайруллович Сибгатуллин, мамин родной брат. Оказывается, вот уже десять дней подряд он нанимал извозчика и терпеливо ждал нашего приезда. Его убеждали, что это сумасшествие, что никто не знает, куда нас повезут, и вообще, не дай Бог, конечно, но неизвестно – живы они или нет. А он все ждал. И дождался.

Мы же с братом, услышав мирный гул самолета над Казанью, еще долго в панике бросались под стол...

Оборона Киева (7 июля – 26 сентября 1941 г.)

Война – это страшно

(Воспоминания Анелии Иосифовны Шевниной – заместителя начальника отдела НИЧ)

Я, Левицкая-Шевнина Анелия Иосифовна, родилась 18 июня 1937 года в г. Смела УССР. Отец – поляк, мама – украинка, я – полька. Потом мы жили в г. Киеве на Владимирской горке, в общежитии.

Когда началась война, в числе первых городов, которые бомбили, был Киев. Я этого, конечно, не помню. Отца вскоре забрали на фронт.

Мы с братом (1935 г.р.) остались с мамой. Частые бомбежки, сирена, канонада, небо постоянно красное. Немцы устраивали облавы. Выгоняли жителей на улицу, забирали молодых женщин для угона в Германию. Искали евреев. Мама с нами осенью просидела на улице всю ночь под дождем (по рассказам сестры отца), простыла и в феврале 1942 года умерла от туберкулеза. Бабушка и тетя сдали нас с братом в детский дом (г. Киев, ул. Мельникова, 54. Адрес помню до сих пор).

Война – это очень страшно. Нескончаемая стрельба, вой сирены, бомбежки днем и ночью. Однажды бомба упала у нас во дворе, но не взорвалась, образовалась большая воронка. В детском доме кроме нас, детей, жил персонал и еще какие-то люди: прятали их у нас под видом больных. Наш детдом немцы обходили, потому что на воротах было объявление, что здесь какая-то страшная заразная болезнь. Много стреляли, были сирены, светили прожектора. Как-то у нас разместили детей, которых приготовили для увоза в Германию, на руках у них были выколоты номера.

Когда освобождали Киев, никто не спал, старшие дети, нянечки, воспитатели – все были на улице. После освобождения г. Киева был большой праздник, салют, ярко светили прожектора. Все кричали: “Ура!!! Выжили!” Вот так – всю войну мы были в Киеве в оккупации. До сих пор боюсь войны.

Битва за Ленинград (10 июля 1941 г. – 9 августа 1944 г.)

Воспоминания Е. Ф. Базлова, доцента кафедры радиоэлектроники и информационно-измерительной техники, к.т.н.

Я родился в Казани 20 июня 1936 года в семье командира Красной Армии. Отец мой, Базлов Федор Степанович, родом из Ленинграда, был рабочим. Но по путевке комсомола был направлен в Ленинградское военно-инженерное училище и после его окончания служил в инженерных войсках, проще говоря, был сапером.

За несколько месяцев до начала войны отца перевели на полуостров Ханко (Гангут), где со времен Петра I была российская военная база. Туда мы поехали всей семьей, и там нас застала война. 20 июня 1941 года мне исполнилось 5 лет, а 22 июня началась война.

Я помню только тревожную обстановку в день начала войны. Отец ушел на службу, а затем прислал солдата (или бойца, как тогда говорили), который помог нашей семье добраться до порта и посадил нас на теплоход «Иосиф Сталин». Я помню, как нас поднимали на борт матросы, передавая друг другу вдоль высокого и крутого трапа. А он, по моим представлениям, был очень высоким. На этом теплоходе отправили семьи военнослужащих. Отца в этот день мы не видели.

Пока мы переправлялись через Балтийское море, нас несколько раз бомбили самолеты. Мы прибыли в Таллин, откуда на поезде поехали в Ленинград.

Отец остался на Ханко и воевал там до тех пор, пока наши войска не оставили эту базу. Кстати, отправляли их оттуда на том же теплоходе «Иосиф Сталин», но по дороге их бомбили немцы, в результате чего корабль затонул. По рассказу отца, спасаясь, они прыгали с борта на катера, которые сновали вокруг теплохода.

Мы же, после возвращения в Ленинград, уехали в деревню, расположенную по Октябрьской железной дороге, в которой жил двоюродный брат отца со своей семьей и из которой происходила вся отцовская родня. Из этого периода я помню только один эпизод. Мы наблюдали воздушный бой над деревней, и видели, как был сбит немецкий самолет. Он падал, а за ним тянулся черный дым. И вся деревня толпой, и мы, дети, в том числе, бежали к месту, куда упал самолет.

Через какое-то время мы опять вернулись в Ленинград. Произошло это, видимо тогда, когда немецкие войска стали приближаться к деревне. А вся семья дяди (брата отца) осталась там. Немцы заняли деревню, но вся наша родня осталась жива за исключением дяди. Он, как говорили родители, был партизаном и погиб.

В Ленинграде мы жили там же, где и до войны – в Новой деревне, на улице Коломяжской (недалеко от места дуэли Пушкина). Жили мы в двухэтажном деревянном доме, который, до революции принадлежал родителям отца. С нами там жили моя бабушка, младшая сестра отца Валентина, которая только что закончила школу. У отца была еще средняя сестра Клавдия. Она была замужем, ее муж сразу, как только началась война, был мобилизован. Позднее он погиб. Еще один родной брат отца, Иван, тоже был в армии, он воевал на Ленинградском фронте. Когда немцы приблизились к Ленинграду, Иван попал в плен. Немцы отрубили ему руки и ноги. Вскоре ту деревню, где находился Иван, освободили наши, и он был отправлен в госпиталь в Ленинград, где и умер. Перед его смертью Валентина видела его в госпитале, она и рассказывала, что он был просто обрубком.

Как началась блокада, я не помню. Помню только, как бомбили город и как мы спасались: вначале в какой-то яме за домом, взрослые хватали нас, детей, и бежали туда. Позднее появилось бомбоубежище в большом кирпичном доме через дорогу. Когда по радио объявляли воздушную тревогу, мы бежали туда. Мне кажется, что иногда мы жили там по несколько дней. Удивительно, что во мне сохранился запах бомбоубежища, и если сейчас я оказываюсь в каком-нибудь подвале с таким же запахом, я его сразу узнаю.

Недалеко от того места, где мы жили, находился аэродром, который назывался «Комендантским». Мы видели воздушные бои в небе, наблюдали, как кружатся наши и немецкие самолеты.

Потом начался голод. Я помню лепешки из картофельной шелухи. Потом умерла бабушка.

В том доме, где было бомбоубежище, находилась столовая для летчиков. Мама отправляла нас с сестрой в эту столовую, и мы ходили там между столами и просили у летчиков чего-нибудь из еды. Но потом нас перестали туда пускать.

Через какое-то время наша семья (мама и мы, трое детей) переехали на улицу Войнова на Каменном острове. Это не очень далеко от Новой деревни, но мне кажется, что мы ехали очень долго на грузовой машине, сидели в кузове. Развалины домов, мимо которых мы ехали, помню до сих пор.

Дом, в котором мы поселились (он и сейчас цел) был на берегу Невы. Зимой из проруби на реке брали воду. Мама брала меня с собой за водой. Эту прорубь я тоже помню.

Помню, что зимой приехал отец. Это было после его возвращения с Ханко. Он воевал на Ленинградском фронте, и иногда приезжал и привозил часть своего продуктового пайка. Подкармливая нас, он сам голодал. Поэтому, как рассказывали родители, они решили, что нам надо уехать в эвакуацию.

Переправляли нас из Ленинграда по льду Ладожского озера по «Дороге жизни». Из того, как мы уезжали, я помню только, что мы сидели в кузове полуторки у самой кабины, прижавшись к маме. Помню сам момент посадки, когда из кузова выкидывали лишние вещи. Видимо, не разрешалось занимать много места. В дороге нас не бомбили, поэтому мы переправились благополучно. Деревня на другом берегу озера, где принимали беженцев, называлась Кабона. Там нас кормили рисовой кашей и какао. Причем давали немного, говорили, что после голода нельзя сразу много есть.

«Вспоминая о блокаде...»

(Воспоминания Нины Николаевны Зориной, доцента кафедры электрических машин)

22 июня 1941 года я, студентка Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ), готовилась к последнему экзамену за третий курс по предмету «Электрические машины». Настроение было чудесное. Думала, что сдам экзамен и поеду к маме в Хабаровск (Хабаровск в то время относился к закрытой зоне. Надо было брать пропуск в органах внутренних дел.) И вдруг слышу выступление министра иностранных дел СССР В. М. Молотова о том, что началась война. На следующий день, сдав экзамен, я поехала за пропуском, но получила отказ.

Пришлось остаться в Ленинграде. С сентября начались занятия, но постепенно они стали сокращаться. Я устроилась лаборантом в одну из лабораторий института. Работала над спецзаказом. В октябре как студентку ЛЭТИ и комсомолку меня мобилизовали на курсы рентгентехников при Военно-Медицинской Академии Красной Армии имени С. М. Кирова. Практику проходила в военном госпитале. Все палаты госпиталя были заняты ранеными бойцами. Дежурили по 10-12 часов, а потом я шла в институт на работу.

Окончила курсы, получила звание «рентгентехник военного времени». Вскоре первую партию моих коллег отправили на фронт. Остальных предупредили быть готовыми: призовут в любую минуту. Но кольцо блокады замкнулось, и стало не до нас.

Ленинград бомбили. Сгорели продовольственные склады. Налеты были ежедневно по несколько раз. В домоуправлении меня мобилизовали в команду противовоздушной обороны. Как тревога – мы на крышу: сбрасывать зажигалки. В марте 1942 года институт решили эвакуировать. Я записалась на эвакуацию, но в последний момент почему-то передумала и не поехала.

Как потом выяснилось, часть машин с людьми ушла под лед, так как «дорогу жизни» через Ладожское озеро немцы постоянно бомбили.

В марте объявили трудовую повинность по очистке города. Надо было отрабатывать 2 часа, после чего можно было получить хлеб по карточкам. Приходилось вытаскивать умерших из их квартир, волоком тащить их по лестницам. Много трупов лежало на берегу Обводного канала.

Эвакуировалась я уже в сентябре, по воде через Ладожское озеро на каком-то катере.

Воспоминания о военных годах

(Асфира Салаховна Назмутдинова, старший преподаватель кафедры спецматематики (1952-1981), к. т. н.)

В июне 1941 мне было пять лет. Я с мамой, папой и сестрой жила в Павловске под Ленинградом. Когда по радио объявили, что срочно надо эвакуироваться, мама тщательно упаковала вещи, рассчитывая вернуться за ними потом, и, взяв только самое необходимое, повезла двух дочек к родственникам в Ленинград. Только наш поезд отъехал, бомба упала на вокзал в Павловске, и мама поняла, что за вещами мы уже вернуться не сможем. В Ленинграде жили в небольшой коммунальной квартире, проводя большую часть времени в бомбоубежище.

Нас в семье было восемь человек (папина сестра с дочкой 13 лет, мамина сестра с сыном четырех лет и грудной дочкой, которая вскоре умерла; моя мама, я и моя сестра девяти лет). За хлебом ходили в магазин под артобстрелом, получали по 125 граммов на человека. Отец и дядя воевали на Ленинградском фронте и получали фронтовой паек. Один паек они оставляли себе, а другой, пробираясь под пулями с позиций, приносили нам. Без этого мы бы не выжили. Зима была суровой, отопление не работало. Сожгли в буржуйке все, что только можно было. Воду брали из проруби на Неве. При этом часто видели, как падали замертво люди на улицах...

Когда ранней весной проложили «дорогу жизни» по Ладоге, наши отцы уговорили нас эвакуироваться. Когда ехали на грузовиках по озеру, вражеские самолеты кружили над нами, скидывая бомбы. Чудом мы выбрались на Большую землю, где сразу же всех нас, блокадников, накормили (дали нам вкусные щи и по плитке шоколада). После долгой дороги в товарных поездах нас привезли в Краснодарский край, под город Майкоп в деревню Прочнокоп. В этом благодатном краю мы немного подкормились. Но под напором немецкой армии пришлось уезжать и оттуда. В августе 1942 года мы приехали в Казань. Сначала нас разместили в Богоявленской церкви на ул. Баумана, а затем расселили по квартирам. Нашей

большой семье из семи человек досталась комната в полуподвальном сыром помещении на ул. Некрасова, д. 22 (сейчас его уже нет – там построены современные дома). Из краснодарской деревни мы привезли мешок муки, ведро пшена, 3-х литровую бутылку подсолнечного масла и пряники, которые раздали голодной казанской детворе. Этого богатства хватило, к сожалению, ненадолго. Соседи собрали, кто что мог, из мебели: кровать, стулья, стол, сундук. Так и жили.

Долго ждали возвращения отца с фронта. Он дошел до Берлина и вернулся в 1946 году, только тогда, когда у него обнаружили болезнь почек и дали инвалидность. Так случилось, что он взял направление в Казань, к семье, а не в Ленинград. Поэтому мы домой так и не вернулись. В 1950 году отец умер. Жили мы тяжело, скудно. Но мама постаралась, чтобы мы получили высшее образование. Я окончила физико-математический факультет Казанского государственного университета и 30 лет проработала в КАИ.

Битва за Москву (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.)

Воспоминания о войне

(Исаак Ехиелевич Великовский, доцент кафедры режущих станков и инструментов)

22 июня 1941 года жители города Йошкар-Олы собрались на главной площади города. Отмечалась 25-я годовщина образования Марийской автономной республики. По окончании митинга мы колоннами возвращались в школы. Неожиданно нас остановила конная милиция и предложила вернуться на площадь. Те же руководители республики с трибуны объявили: «Сегодня в 4 часа утра без объявления войны Германия вероломно напала на нашу страну».

1-го сентября начались занятия. Из 4-х школ города в трех разместили госпитали для раненых и бойцов. Наша школа работала – с 7 до 23 часов. В городе не было электричества, его давали только на военные объекты. В середине класса висела одна керосиновая лампа – вот и все освещение.

В ноябре 1941 года наступили сильные морозы – до минус 35°. Бои шли уже под Москвой. Наш класс, как и другие, решил послать подарки бойцам к новому 1942 году. Собрали теплые вещи: варежки, шерстяные носки и шарфы, мыло, сухари, конфеты; сшили кисеты и

наполнили их папиросами и махоркой. Попросили бойцов действующей армии крепче бить фашистов.

Какова же была наша радость, когда через месяц мы получили письмо с фронта с благодарностью за наш скромный подарок. Бойцы обещали уничтожить фашистскую гадину и освободить нашу священную землю: «Победа будет за нами и окончательный разгром врага близится». А ведь до дня Победы было еще три тяжелейших года войны, и не все бойцы, подписавшие это письмо, дожили до этого дня.

Это письмо с фронта я бережно храню уже более 60 лет и вот оно перед вами.

Дорогие товарищи, молодые патриоты нашей Великой Родины, примите наш пламенный боевой привет. Нет слов выразить чувства искренней благодарности за полученный от Вас очень дорогой для нас подарок.

Эти строки благодарности пишем под грохот артиллерийских залпов наших славных артиллеристов – воинов страны социализма.

Кончилось то время, когда фашистские стервятники и бандиты с большой дороги своими снарядами разрушали наши мирные города и села. Им не удалось выполнить приказы обербандита Гитлера: торжествовать победу в сердце нашей Родины – Москве.

Рады Вам сообщить, что последние дни наша часть освободила от фашистов 8 населенных пунктов и многим «арийцам» пришлось поплатиться жизнью за страдания многомиллионного Советского народа и за осквернение нашей священной земли. Трудно и даже невозможно передать ту радость, с которой население встречало наших славных бойцов.

В 3 часа ночи стар и мал выходили встречать освободителей.

В нашей части в этой освободительной – Отечественной войне выросли во весь рост ряд Героев, до этого ничем не заметных советских людей. Десятки из них представляются к высшей правительственной награде. Вот один: рядовой боец тов. Розанов в бою уничтожил больше десятка фашистских мерзавцев и когда командир взвода был тяжело ранен – он истинный патриот нашей родины, возглавил взвод и с призывом «За Родину, за Сталина!!!» – повел бойцов и уничтожил фашистов, занял село А.

Эти скромные подарки свидетельствуют о Вашей Любви к нашей славной армии. Мы это понимаем и помимо чувств благодарности заверяем Вас, что Ваши надежды и чаяния об уничтожении фашистской гадины и освобождении нашей священной земли, мы оправдаем с честью.

Каждый боец, командир и политработник окружен заботой и поддержкой многомиллионного советского народа, а в бой нас ведет Великий Сталин.

Победа будет за нами и окончательный разгром врага близится.

Дорогие друзья!!! Примите нашу благодарность и пожелания успеха в учебе.

31.12.1941 г.

Писано в землянке при свете керосиновой лампы.

Наступил январь 1942 года. В Йошкар-Олу были перебазированы военные заводы из Ленинграда, Москвы, Воронежа и других городов страны. Не хватало кадровых рабочих, так как большинство ушло на фронт. Заводчане обратились в школы города с просьбой подготовить кадры для работы на заводах.

Я и мои товарищи прошли подготовку в первом ремесленном училище города, и через месяц нас направили на военные заводы. Я стал работать на оборонном заводе, эвакуированном из Ленинграда. Меня прикрепили к наставнику – опытному рабочему, и через 2-3 месяца мы уже выполняли сложные работы на токарных, фрезерных и сверлильных станках и собирали готовые узлы. Это были оптические приборы для наших бомбардировщиков. Работали в 2 смены: с 7 утра до 7 вечера и ночью с 7 вечера до 7 утра. Часто нас оставляли до 11 часов вечера. Мы получали «стахановский ужин» – стакан чая и 100 граммов хлеба и очень гордились этим. У входа на завод висели сводки типа: «Фронтальная бригада коммуниста N выполнила срочное задание, не уходила с рабочего места 2-е суток».

На этом заводе я работал около двух лет. В числе нескольких молодых рабочих в мае 1943 г. был награжден грамотой Отличника всесоюзного соцсоревнования трудовых резервов.

Осенью 1943 года я закончил экстерном среднюю школу и ремесленное училище и был принят в Казанский авиационный институт. Несмотря на опоздание к началу занятий на 2 месяца проректор по учебной работе Ю. Г. Одинокоев зачислил меня студентом с условием успешной сдачи зимней сессии. После окончания первого курса студенты нашего моторостроительного факультета месяц работали в одном из колхозов республики. На следующий год нас направили в город Сталинград. Там мы – студенты-мотористы – разбирали на металлолом авиационные моторы, снятые с самолетов, а студенты первого факультета разбирали самолеты. Это было огромное поле, куда свезли разбитую технику: кладбище танков, самолетов и моторов. За выполнение нормы – один разобранный мотор в день на двоих, мы получали премию – миску кукурузного супа. В начале было трудно, но затем работа наладилась.

Запомнился наш поход в разрушенный до основания город. Идем по шоссе: с двух сторон заросли высокого бурьяна. Видим справа высокий столб. Подошли, читаем на нем: «улица Рабоче-Крестьянская». И только тут мы поняли, что это все, что осталось от целого жилого массива...

О моем детстве

(Анатолий Лукич Новиков, профессор кафедры физического воспитания)

Перед самым началом Великой Отечественной войны наша семья жила в деревне Чебоксарск Новошешминского района ТАССР, недалеко от города Чистополя. Отец был директором школы, а мама заведовала школьным хозяйством. Мы с братом учились в этой школе: он в пятом классе, я – в первом. Дома оставалась маленькая 4-х летняя сестренка Розочка.

22 июня мы с ребятами были на рыбалке, а возвращаясь домой, увидели, что почти все жители деревни собрались у репродуктора около сельсовета. Многие плакали. Передавали сообщения В. М. Молотова о вероломном нападении на нашу Родину фашистской Германии. Так началась война.

Вечером в школу пришли преподаватели и много односельчан. Отец успокаивал их, говорил, что воевать мы умеем, скоро немцы за все ответят. На другой день он получил повестку, и мы

сразу же стали готовиться к отъезду в г. Казань, к родителям мамы – бабушке Анне и дедушке Петру. Так закончилось мое беззаботное веселое детство.

Хорошо помню тот день, когда провожали отца на фронт. Мама, брат Саша и я пришли к нему на сборный пункт, который находился на берегу Кабана, Розочка была маленькая и осталась дома с бабушкой. Папа был очень красивый, стройный, в военной офицерской форме с портупеей на боку и биноклем на ремне. Мама обняла его и заплакала, мы с братом тоже прижались к нему. Отец нас расцеловал и стал успокаивать маму. Он поднял меня на руки. Я снял с него пилотку и надел себе на голову. Отец сказал: «Ну вот ты и будущий офицер. Нравится тебе моя пилотка?». Я утвердительно кивнул. Саша попросил у отца бинокль, и мы смотрели в него, как на озере катаются на лодках, и на самолет, который пролетал над городом. Папа поднимал меня на руки несколько раз, целовал. Наверное, чувствовал, что видит нас последний раз. Потом что-то говорил Саше и маме. Мама не отходила от него ни на шаг, а он все что-то показывал ей, а она прижималась к нему и плакала. Потом отец предложил погулять по берегу. Сколько времени мы гуляли, я не помню. Помню только: папа сказал, что ему пора идти – готовиться к отправке и что эшелон пойдет на фронт поздно ночью и мама может туда прийти его проводить, а с нами он попрощается сейчас. Нам с братом он дал по рублю и велел сходить в кино посмотреть фильм «Чапаев», который тогда шел в кинотеатре «Рот-фронт». Его просьбу мы с большим удовольствием выполнили. А впоследствии я этот фильм смотрел много, много раз и всегда передо мной стоял образ отца. Мы получили от него несколько писем. Одно из них почему-то было напечатано на машинке. А через 3 месяца пришло извещение о том, что он пропал без вести. Позже к нам пришли офицеры из его части и рассказали, как он погиб. Они попали в окружение на Вяземском направлении при обороне Москвы. Отец был политруком и отвечал за вывоз документов полка. Когда машину подорвали, он, не имея возможности вырваться из окружения, взорвал себя вместе с документами.

В его смерть мы не верили всю войну. Когда я видел на улице раненого военнослужащего, я забежал вперед и смотрел: не отец ли это. А когда мы ходили в госпиталь, который находился в доме на улице Ленина (который жители называли «Бегемот»), то всегда спрашивал раненых, не видели ли они моего отца.

«Тогда эти люди спасли нас...»

(Евгений Гаврилович Павлов, доцент кафедры приборов и информационно-измерительных систем, к.т.н.)

Я родился в семье Павловых – Порошиных.

Отец окончил Академию бронетанковых войск.

В 1932 году он начал работать в Генштабе во внешней разведке – они испытывали танки. В этом же году у них родился первый сын, мой старший брат – Валентин. В 1937 году родился я.

В Москве (а точнее, в Тушино) в то время проходили парады. И отец как военный всегда присутствовал на них. Однажды он взял с собой Валентина, который к тому времени уже был пионером. И произошел такой забавный случай: Валентин подбежал к С. М. Буденному и сказал: «Буденный, будь готов!». А тот ответил: «Всегда готов!». И подхватил его на руки. Этот момент успели запечатлеть на фото.

В мае 1939 года наша семья должна была уехать в Германию, но Валентин заболел – у него началось воспаление легких. И мы остались в Москве.

Наступил 1941 год. Немцы начали бомбить страну. Паники как таковой тогда еще не было. Началась эвакуация. В первую очередь эвакуировали заводы, оборудование. Затем начали эвакуировать население. Однако вышел приказ, что семьи военнослужащих должны остаться. Это было сделано для того, чтобы не создавать панику. Так наша семья осталась в Москве. Мне на тот момент было четыре года. Когда начинали бомбить, я говорил: «Пойдем в бомбоубежище!». При этом говорили, что у меня был очень смешной вид: с правой стороны ко мне был привязан противогаз, а с левой – горшок.

Так в Москве мы оставались до конца сентября, а отец остался там еще до декабря. Потом он уехал в Куйбышев. Где мы находились (на тот момент) – он не знал. А нас посадили в поезд, и мы поехали в неизвестном мне направлении. Эта поездка глубоко впечаталась в мою память. Мы ехали очень долго, было очень холодно. Однажды ночью поезд остановился, потому что кончилось топливо. Люди начали замерзать. В вагон вошли какие-то люди в остроконечных шапках – казахи или калмыки. Кто-то из них начал растирать мне ноги. Тогда

эти люди спасли нас от холода. Именно этот момент я запомнил до мельчайших подробностей.

В скором времени мы поехали дальше. И прибыли в поселок Купино – на границу восточной и западной Сибири. В 1942 году начались страшные морозы. Доходило до того, что птицы на лету, замерзая, падали вниз. Но те морозы нам, к счастью, удалось пережить.

Спустя время нас вновь куда-то повезли. На это раз, как оказалось, в Омск...

О некоторых эпизодах жизни в военные годы

(Светлана Павловна Хайруллина, доцент кафедры сопротивления материалов)

Я родилась в 1929 году в г. Харькове. Мой отец, П. Г. Бенинг, перед войной работал в Харьковском авиационном институте (ХАИ). Мама, В. М. Шатунова, была заведующей химической лабораторией в харьковском дворце пионеров.

Сообщение о начале войны застало меня в деревне Валентиновка, расположенной недалеко от Москвы. Туда на каникулы меня отправили мои родители отдохнуть на даче в семье тетки, то есть начало войны я встретила вдали от своей семьи.

Мне было 11 лет, и я очень удивилась, когда на веранду выбежала рыдающая тетя Юля с криком: «Война! Война!»

Почему она плачет? Мне тогда казалось, что война – это вроде чтения интересной книги. Тогда ни в каком страшном сне мне не могли присниться все ужасы этой войны.

В тот день дядю Колю вызвали в Москву, он уехал, а мы остались в Валентиновке еще на 5 дней.

Буквально со следующего дня начались налеты на Москву. Как известно, немцы – народ очень пунктуальный. Каждый вечер в 19 или 20 часов над нашими головами пролетали их самолеты. Они летели бомбить Москву. Через несколько минут в вечернем небе над Москвой зажигались лучи прожекторов, слышались разрывы снарядов.

Вскоре дядя вызвал нас в Москву и сообщил, что его с семьей направляют в геологоразведочную экспедицию на Восток на поиски вольфрама и молибдена.

В Москве мы пробыли два дня. За это время было три налета, и мы бегали в бомбоубежище, точнее в метро на станции «Кропоткинская».

Затем двое суток мы провели на железнодорожной станции «Москва Сортировочная» в ожидании, пока сформируют наш эшелон. Было еще два налета.

Вечером при объявлении тревоги мы спустились в бомбоубежище, а утром при налете мы уже не могли воспользоваться бомбоубежищем, так как эшелон был сформирован, и надо было садиться в поезд. Нашей экспедиции было выделено два товарных вагона (теплушки). В вагонах были настилы в два этажа. Нашей семье досталась часть настила на втором этаже. Мы расположились, и поезд тронулся. Вдруг женщины начали в ужасе кричать и плакать. Оказалось, нас преследует немецкий самолет. Но все кончилось хорошо. Самолет был сбит, мы видели, как он горел и падал. Так началась наша эвакуация.

Ехали мы до конечной цели (г. Усть-Каменогорск) целый месяц.

В то время железнодорожные линии на Восток были однопутные. Состав доезжал до разъезда и ждал, когда пройдет встречный поезд. А навстречу все шли составы с танками, пушками, солдатами...

Воронежско-Ворошиловградская операция

(28 июня – 24 июля 1942 г.)

«То, что было со мной – помню»

(Вадим Данилович Евстратов, профессор кафедры философии, доктор философских наук)

Недавно средства массовой информации сообщили то, что по непонятным причинам скрывалось семьдесят лет: во время Великой Отечественной войны битва за Воронеж, город, где я родился и провел свое раннее детство, по своим масштабам не уступала сражению под Сталинградом, а по продолжительности даже превосходила его. Более того, успешные действия Красной Армии под Воронежем во многом способствовали окружению и разгрому немецко-фашистских войск у города на Волге.

Когда началась война, мне шел шестой год. Ее зловещие раскаты воронежцы слышали довольно скоро. До сих пор в ушах стоит истошный вой сирены, возвещающей о воздушной тревоге. Все бежали в бомбоубежище, находившееся в подвале соседнего дома. В наскоро собранные узелки старались упрятать самое необходимое – детские бутылочки с молоком и водой, краюхи хлеба, банки с консервами. Народу набиралось под завязку, но в помещении обычно стояла тишина: люди находились в напряженном ожидании, чем на этот раз закончится для них бомбежка.

Отец в это время служил в милиции и имел звание сержанта. Понятно, что с приближением линии фронта оставаться в городе таким семьям, как наша, было нельзя. Отца направили в глубинку – начальником Архангельского райотдела милиции. Через полгода ему было присвоено звание старшего лейтенанта, и соответствие с должностью приняло законный вид.

Между тем обстоятельства складывались все тревожнее. Бои шли уже на подступах к Воронежу. Личному составу милиции, партийным и советским работникам областное начальство предложило отправить свои семьи как можно дальше в тыл, а самим готовиться к партизанской войне. Но никто не представлял, куда мы должны уезжать. Неизвестно, чем закончились бы наши сборы, если бы отец случайно не познакомился с военным летчиком – майором Константином Лисициным, семья которого также проживала в Архангельском и готовилась к эвакуации. И майор предложил отцу:

- Данил Васильевич, давай отправим наших вместе. Я отвезу их в Сталинградскую область, за Волгу. От фронта далеко, жить они там будут, как на курорте.

Времени на раздумья не было. Прихватив кое-что из немудреной домашней утвари, мы погрузились на потрепанную «полторку» и тронулись навстречу пугающей неизвестности. Отправились вчетвером – мама, ее мать (наша бабушка) и мы с двухлетним братишкой Валеркой. Лисицины ехали в таком же составе. Сам майор в форме, увенчанной голубой фуражкой, сидел в кабине и показывал шоферу дорогу.

Дорожные впечатления полностью изгладились из памяти. Зато хорошо помню, как недалеко от Сталинграда над нами на бреющем полете пронесся немецкий самолет. Потом он развернулся и дал по нашей «полуторке» пулеметную очередь. Машина остановилась, и мы со всех ног бросились в подвернувшийся на счастье небольшой окопчик. Бабушка Лисицина в истерике кричала сыну:

- Костя, сними фуражку, тебя же сверху хорошо видно!

Откуда-то появились два наших истребителя, и «немец» ретировался. Мы продолжили свой путь и вскоре приехали в Сталинград. Психологи говорят, что дети обычно не чувствуют скрытых угроз со стороны обстоятельств, в которых они находятся, и потому неправильно оценивают сложившуюся ситуацию. Возможно, это и так. Однако до сих пор хорошо помню состояние, охватившее тех, кто находился в городе. Это было предчувствие надвигающейся великой беды, от которой никто не видел спасения. Люди по улицам не ходили, а скорее бегали, выражения лиц у всех тревожное, порой отчаянное. А с неба палило июльское солнце. Стоял 1942-й год.

Сказать, что тяжелые предчувствия сбылись – значит сказать слишком мало. Уже на следующий день стало известно, что немецкие войска очень быстро движутся к Сталинграду, и не сегодня – завтра в городе начнутся бои. Нашего майора отозвали в часть, а гражданскому населению было приказано уходить, куда глаза глядят. Народ единственное спасение видел в том, чтобы перебраться на левый берег Волги, и все, кто мог, дружно ринулся к переправе.

...К парому мы подобралась, когда стала надвигаться ночь. И здесь случилось то, что до сих пор вспоминаю с дрожью. В силу каких-то причин наша «полуторка» встала поперек дороги. Надо было пропустить движущийся поток машин, и мы начали пятиться к обрыву, нависавшему прямо над водой. Я сидел у заднего борта лицом к кабине, и когда повернулся и посмотрел вниз, увидел жуткую картину: в воде, под обрывом плавали остатки разбитых барж и паромов, обгорелые доски и бревна. Машина подползла уже к самому краю, и мне показалось, что она вот-вот сорвется в пропасть. Сознание мое отключилось и, кажется, надолго.

Очнулся я уже на другом берегу. Днем мы приехали к месту назначения. Это был глинобитный поселок Джилга, находившиеся недалеко от границы с Казахстаном...

...Однажды над поселком проплыли немецкие самолеты, судя по всему, бомбардировщики. Летели они на восток группой из двадцати-тридцати машин. Возле них изредка возникали желтовато-серые облачка разрывов от выстрелов наших зениток, но самолетам вреда они не приносили: либо те летели на недосыгаемой высоте, либо наши зенитчики дружно «мазали». Что и где бомбили немцы, мы, конечно, не знали. Но, что удивительно, никто не видел, чтобы самолеты возвращались обратно. Кто знает, может, летели другим курсом, а может, из них никто не вернулся.

Один эпизод просто врезался в сознание. Дело в том, что наш поселок был расположен километрах в двух от железнодорожной станции Ахтуба. Нетрудно представить, как жила железная дорога, находясь чуть ли не в прифронтовой полосе. Через станцию бесконечным потоком шли железнодорожные составы. Везли все, в чем нуждались защитники Сталинграда, в том числе, конечно, «живую силу». Неудивительно, что немцы решили во что бы то ни стало нанести по станции бомбовый удар. И однажды ночью нас разбудили раздавшиеся неподалеку мощные взрывы. Мы выскочили на улицу и увидели, что станция охвачена огнем. Черное южное небо было наполнено самолетным гулом, и казалось, что звезды испуганно вздрагивают от взрывов. Бомбы рвались совсем рядом, но нас, видимо, хранила какая-то высшая сила. Горько об этом думать, но, возможно, хваленые немецкие педантизм и аккуратность обусловили точность бомбометания и оказались для нас спасительными. Но то, что мы увидели на следующее утро на станции, вполне годилось бы для современного фильма ужасов: кругом разрушенные здания, сгоревшие вагоны и части человеческих тел, плавающие в кровавых лужах... Оказывается, ночью с востока подошел воинский эшелон, и тут же как по расписанию налетели фашистские самолеты. Из наших солдат мало кто уцелел. Судя по всему, немецкая разведка не сидела сложа руки, были и у нее свои «штирлицы»...

Сталинградская битва (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 г.)

Вспоминая Великую Отечественную...
(Воспоминания Нины Михайловны Вериной)

Я родилась 28 мая 1928 г. в г. Сталинграде (ныне г. Волгоград). В этом городе и застала меня Великая Отечественная война.

В сентябре 1942 г. немцы подошли к Сталинграду. Дом, в котором я жила вместе с матерью, находился недалеко от Мамаева кургана и был разбомблен в первый же день боев. Жили мы в окопах. Спустя некоторое время фашисты выгнали жителей из мест их обитания и погнали на хутор Гумрак. Затем был хутор Нижне-Черская, где мы с мамой находились в пересылочном лагере. Здесь население сортировали, и часть отсортированных подлежала угону в Германию. Но несколькими семьям, в том числе и нашей, с помощью советских военнопленных удалось бежать.

Мы скрылись от немцев и затем уехали в хутор Большой Терновой, где и жили до марта 1943 г., когда советские войска освободили его от немецких оккупантов. Таких же, как и мы, беженцев погрузили на открытые платформы и повезли в уже освобожденный Сталинград. Когда мы вернулись в родной город, то работали на очистке улиц и восстановлении предприятий. Город был разрушен, и мы жили у соседей в подвале. Осенью 1943 г., когда наступили холода, наша семья уехала в г. Сталинабад (ныне г. Душанбе).

В 1945 году судьба забросила нас в Казань. В июле 1945 года я устроилась на работу бойцом в Пожарную охрану, затем перешла на ТЭЦ-2 треста «Казэнерго» телефонисткой. В декабре 1952 года поступила на работу в КАИ на должность телефонистки, где проработала до 1964 года. Потом была определена кастеляншей общежития № 5 (с 1967 года – общежитие № 3). Здесь я проработала до 1992 года, после чего ушла на заслуженный отдых.

Битва за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.)

Глазами сына фронтовика

(Воспоминания Евгения Ивановича Цокура, профессора кафедры электрооборудования, к. т. н.)

Каждому человеку близко и дорого то место, где он родился, рос и сделал шаг в настоящую жизнь. Для меня таким местом стала станица Старощербиновская Краснодарского края, где жили мои родители, где я родился и учился в школе. Отчий дом стоял в 200-300 метрах от левого берега реки Ея.

Трагические события не обошли нашу Старощербиновскую станицу. С августа 1942 по февраль 1943 года она была оккупирована немцами. Много бед принес страшный враг на нашу землю. В один из дней жителей станицы, которые попали в немецкий «черный» список (их было около 200 человек), выгнали на центральную площадь и повели за станицу. В этом списке были женщины, старики и дети разных возрастов, в том числе и грудные. За станицей над ними издевались: били прикладами автоматов, затем заживо закопали в большой яме. Как свидетельствуют очевидцы, холм потом некоторое время шевелился.

Так как во время войны в станице остались только старики и дети, то «всей семьей» собирались вокруг мужчин (а их было мало). При этом обменивались новостями, делились едой (в основном для детей), помогали, чем могли, друг другу. Однажды, при очередном таком сборе по улице проезжали на машинах фашисты. Увидев скопление людей, они остановились. Мы все насторожились. Что будет с нами? Однако они увидели, что мы не представляем для них никакой опасности. А целью их остановки было попить воды. Дочь хозяев дома взяла кружку, набрала из бочки воды и подала ее одному из немцев. Однако он отказался ее пить и предложил сначала выпить воду самой девушке. Только после этого фрицы достали свои кружки и опустошили бочку. А вообще мы пили дождевую воду, которая стекала с крыши дома в бочки, или доставали ее ведрами из артезианских колодцев, но они были далеко не у всех жителей.

Когда немцы уехали на своей машине, мимо дома, где все мы находились, проехала конная тачанка, к которой был привязан наш станичник, весь окровавленный, а немцы его продолжали допрашивать. Мы все – дети и взрослые – рыдали от увиденного, но помочь ему ничем не могли.

Гул вражеских самолетов, которые летали достаточно низко с бомбами на борту, очень тяжело воспринимался всеми – и стариками, и детьми. Для того, чтобы при бомбежке как-то спасти детей, нас направляли в окоп, который был вырыт на соседнем огороде. Конечно, надеяться на стопроцентную защиту не только от бомб, но и от немецких солдат, не приходилось. Был случай, когда после бомбежки мы вышли из окопа и не успели еще отойти от него, как со стороны реки появились солдаты вермахта. Они, не заглядывая в окоп, обстреляли его с двух сторон из автоматов. Слава Богу, в окопе никого уже не было.

Немцы и румыны регулярно ходили по домам и варварски грабили: ловили кур и гусей, забирали яйца, молоко и все, что попадало под руку. Жители без продуктов лишались возможности выжить. Ведь других способов приобретения продуктов питания, кроме своего подсобного хозяйства, не было.

Наступил момент, когда у нас в доме совсем не осталось продуктов. Я несколько суток ничего не ел и почти не двигался – лежал без сил на кровати и все время тихо просил есть. Соседи по дому, узнав об этом, приносили, кто что мог – люди делились своими последними «крохами». Так и выходили меня, правда, до школы в первый класс, я так и не смог дойти, да и одежды не было.

Родной брат мамы (дядя Ваня Дегтев) вернулся с войны сразу после ее окончания с орденами на груди. Следом пришел и его сын Иван. Ему было всего двадцать три года. Возвращались в станицу и другие солдаты, в большинстве случаев – инвалиды. Их встречала вся улица: все плакали от радости – хоть искалеченные, но живые!

Мы также ждали отца, но его все не было.

Мне казалось, что мама всю жизнь ждала почтальона и надеялась, что он принесет весточку от отца. Она всегда была дома в то время, когда почтальон приносил почту.

Однако в 1946 году нам пришло извещение, в котором сообщалось, что красноармеец Цокур Иван Васильевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 20 января 1943 года и похоронен с отданием воинских почестей на поле боя.

Я до сих пор помню этот день и мамин крик...

Харьковская наступательная операция (2 февраля – 3 марта 1943 г.)

Воспоминания Р. И. Адгамова, профессора кафедры технологии машиностроительных производств, д. т. н., заслуженного деятеля науки и техники РФ и РТ, заслуженного деятеля КГТУ им. А. Н. Туполева

Семья, в которую в 1936 году после окончания химического факультета КГУ и выхода замуж за выпускника физико-математического факультета КГУ Адгамова Искандера Сабирзяновича, пришла моя мама – Тугушева Эмма Ибрагимовна (ставшая затем Адгамовой Э. И.) была большой, дружной и полной радости и человеческого счастья.

Жили они в большом и уютном доме на углу улиц Чехова и Достоевского (в настоящее время на этом месте многоэтажное здание ОАО “Татсельхозпромстрой”).

Глава семьи, Адгамов Сабирзян Ахмедзянович, работал бухгалтером в промтоварном магазине. Хозяйка дома, Яушева Рабига Шакировна, не работала, и была занята обслуживанием большой семьи и воспитанием детей (трое сыновей и две дочери).

Старший сын, Адгамов Искандер Сабирзянович (мой отец), после окончания КГУ работал в должности ассистента кафедры физики КАИ.

Средний сын, Адгамов Мансур Сабирзянович, после окончания Казанского речного техникума плавал по р. Волга вторым помощником капитана пассажирского парохода, ходившего между городами Рыбинском и Астраханью.

Младший сын, Адгамов Шамиль Сабирзянович, работал инструктором в конно-спортивной школе и учился на рабфаке.

Две сестры, Хава Сабирзяновна и Алия Сабирзяновна, заканчивали в 1941 году общеобразовательную школу и собирались поступить соответственно в КАИ и КФЭИ.

Весна 1941 года для этой большой семьи началась трагически. В апреле было обнаружено онкологическое заболевание у главы семьи – моего деда. Потом пришел страшный июнь 1941 года: 20 июня похоронили деда, через день началась Великая Отечественная война. 25 июня на двух отцовских братьев пришли повестки о призыве в ряды Красной Армии. Отец не был призван, так как преподаватели высших учебных заведений имели бронь. Однако в августе 1941 года он подал заявление в военкомат и добровольцем вступил в ряды Красной Армии.

Средний его брат был отправлен служить на Тихоокеанский флот в г. Советская Гавань, где и провел все военные годы командиром торпедного катера, входившего в дивизион торпедных катеров флота и участвовал в боевых операциях против Японии. В 1945 году он был переведен на Черноморский флот в г. Севастополь, где служил до 1960 года, до ухода на пенсию.

Младший брат отца воевал в составе кавалерийской дивизии генерала Доватора под Москвой. В конце 1942 года пришло известие, что в боях на Центральном фронте он пропал без вести.

Мало что сохранилось в моей памяти о войне, слишком много лет прошло. Однако отдельные моменты жизни и событий того времени яркими и неизгладимыми пятнами врезались в память и связаны в основном со слезами моих близких – бабушки, матери, тетушек.

Отец после призыва в армию до ноября 1941 года находился в центре подготовки младшего офицерского состава в посёлке Суслонгер Марийской АССР на расстоянии 100 км от Казани. Затем он был направлен в действующую армию и принимал участие в боевых операциях Воронежского фронта. С самого начала (с июля 1942 по январь 1943 года) участвовал в Сталинградской битве и был награжден орденом Красной Звезды и медалью “За оборону Сталинграда”.

Я, конечно, не знал тогда, что есть на реке Волге такой город – Сталинград, но о нем все время говорили в дни, когда со Сталинградского фронта приходили открытки, письма от отца, которые я тоже держал в руках. Ожидалось, что воинскими подразделениям, выдержавшим Сталинградскую битву, дадут небольшой отдых. Однако в январе 1943 года часть, где служил отец, после пополнения численного состава была отправлена на фронт под город Курск.

В то время все мы, как и большинство в стране, жили ожиданиями писем с фронта. Страшное горе случилось весной 1943 года.

Сегодня я держу в руках этот небольшой клочок почти истлевшей бумаги, где Адгамова Эмма Ибрагимовна извещается о том, что ее муж – гвардии старший лейтенант Адгамов Искандер Сабирзянович – командир батареи 464-го Гвардейского арtdивизиона, героически погиб в борьбе с немецкими захватчиками 8 февраля 1943 года у села Горшечное Курской области и награжден посмертно орденом Красной Звезды.

Тогда я еще не понимал, почему в доме стало так тихо и все стараются меня и мою сестру приласкать больше и нежнее, чем обычно. Я помню непрекращающиеся слезы матери, когда она укладывала нас с сестрой спать, слезы бабушки и моих тетушек, их разговоры о том, что, может быть, это ошибка, и отец жив, что он просто тяжело ранен и не может нам пока написать.

Заботу отца о нас с мамой мы чувствовали все время. Когда он был еще жив, регулярно приходил его “аттестат” – в размере 1200 рублей в месяц. Затем бабушка получала пенсию за погибшего сына, а мама – за погибшего мужа.

О чем писал отец в своих письмах, которые регулярно приходили к нам? На этих пожелтевших страницах, написанных очень мелким почерком, – забота о нас, о том, как мы переживаем эти непростые времена.

О себе писал скупно – “моя жизнь тяжелая, суровая, но благородная, уверен, что врагу не быть на нашей земле. Победа будет за нами”. Хотя это был только 1942 год – это был Сталинград.

В письмах отца – воспоминания о мирной довоенной жизни и мечты об отдыхе всей семьей на Волге после Победы.

Очень тепло и трогательно в своих письмах отец упоминал о своих боевых друзьях, о тех, кто в боях под Сталинградом принимал его в партию.

Уже в мирное время посмертная награда отца – орден Красной Звезды нашла нас в городе Оренбурге, куда мы переехали с мамой и сестрой к нашей бабушке. В торжественной обстановке ветеранам войны и семьям погибших ордена и медали вручили 9 мая 1950 года. Это было еще одно знаковое напоминание о нашем отце.

Мы неоднократно предпринимали попытки установить точное место нахождения могилы отца. После обращения в Курский областной военный комиссариат пришел ответ, где сообщалось, что Адгамов И. С. похоронен в братской могиле в селе Горшечное. Указывались также подробности, что с. Горшечное – районный центр и железнодорожная станция, и если мы намерены посетить братскую могилу, то по приезде необходимо обратиться в районный военный комиссариат.

В 1975 году на празднование юбилейных дней Победы к мемориалу братской могилы приехало более 300 человек со всей страны, родственники которых покоятся в этой земле.

Братская могила находится в небольшом парке около сельской школы и районного клуба. На могиле установлен внушительный памятник из гранита в виде двух трапеций, между которыми на плите дата: «1941-1945 гг.» Перед ней – фигура солдата с автоматом в руках. Рядом красное знамя из гранита около которого еще одна коленопреклоненная фигура солдата. По левую и правую стороны от этой группы – мраморные плиты, на которых выбиты фамилии похороненных воинов, всего 160 человек

Состоялся торжественный митинг, на котором выступили и ветераны, воевавшие на этой земле. Нас, Адгамовых, было семь человек, в том числе и брат отца, который приехал из города Севастополя. С братской могилы мы взяли горсть земли, которую по возвращению в Казань положили на могилу деда. Брат отца, Мансур Сабирзянович, увез эту землю в Севастополь, где положил ее на Малахов курган – место расположения музея-панорамы обороны Севастополя.

Письма и фотографии отца с фронта являются реликвией нашей семьи, к которым мы обращаемся в памятные даты – дни рождения моих родителей, в день Победы.

Смоленская наступательная операция (7 августа – 2 октября 1943 г.)

Не знала я отцовской ласки...

(Воспоминания А. Г. Каримовой, доцента кафедры теплотехники и энергетического машиностроения, к. т. н.)

«Когда началась Великая Отечественная война, мне было 3 года, но в моей памяти (как в фотографиях) хорошо сохранилось это лето. Наша семья: отец – Янкелевич Григорий Львович, мать – Янкелевич (Филиппова) Валентина Ефимовна, сестра – Флора и я летом 1941 года выехали из Казани на дачу в деревню Крюково под Москвой, ту самую, у которой как в песне поется «погибал взвод...»

Фашисты продвигались к Москве. Пришлось срочно эвакуироваться обратно в Казань. Хотя у отца была бронь, он отказался от неё и добровольно пошел на фронт, отправив нас в Казань, где у нас была комната в коммунальной квартире. Хорошо помню товарный вагон, в котором мы добирались до Казани, перегруженный эвакуируемыми.

На фронте отец был майором, командовал инженерными войсками, саперами. Свой боевой путь он начал от Ржева, освобождая наши территории, дошел до Белоруссии. В лесах Белоруссии фронт стоял 11 месяцев, были самые тяжелые бои. 12 ноября 1943 года между

Смоленском и Витебском у поселка Лиозно, при переправе через реку Лососина в районе деревни Ковалево он погиб. Нам пришло извещение – похоронка о гибели отца смертью храбрых и письмо его фронтового друга, который описал последние дни жизни отца, его гибель и место захоронения.

За боевые заслуги отец был награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной звезды, медалью «За Отвагу» и посмертно – орденом Отечественной войны II степени. Этот орден позднее переслали и вручили нам в военкомате.

На фотографии, которая всегда была у отца в кармане гимнастерки, мне было 5 лет, сестре – 12. У меня до сих пор стоят перед глазами убитая горем мама и все соседи по коммуналке, которые старались её утешить. Эту потерю я стала осознавать по состоянию мамы, по её и нашей незащищенности. У мамы не было надежной профессии, она работала надомницей в мастерской по пошиву шинелей и верхней одежды. На пенсию, назначенную нам за отца, прожить было очень трудно. Жили полуголодно. Мама старалась делать нам хоть маленькие праздники в дни получения пенсии в банке, она покупала там пирожки, вкус которых помню до сих пор.

Однажды в детском саду организовали посещение детьми раненных в госпитале. Мама сшила красивый кисет, и я подарила его раненому бойцу, который взял меня на руки и с нежностью обнял. С уходом отца на фронт и его гибелью я никогда больше не знала отцовской заботы, ласки, нежности и защищенности. День Победы для нашей семьи был днем скорби о погибшем отце.

Донбасская наступательная операция (13 августа – 22 сентября 1943 г.)

(Воспоминания Майи Вячеславовны Копанец, доцента, кандидата экономических наук)

*«Война детей не баловала лаской,
Что пережить досталось нам!
И смерть, и голод страшной сказкой
Порою снятся по ночам.
И слезы вновь терзают душу
Тех, кто побывал тогда в аду,
Но силу духа не разрушить!
Мы – дети, пережившие войну»...*

Я родилась 26 августа 1940 года на Шахте № 7-8 (ныне – г. Вахрушево-2) Ворошиловградской области УССР.

Когда началась Великая Отечественная война, мне не было и года, а в конце войны – соответственно было около пяти лет.

На мои отдельные воспоминания о войне наложились рассказы родственников об этом жутком периоде нашей жизни. Все это и составляет сегодня мою память о военном времени. В первые дни войны ушли на фронт отец и все мои дяди.

Донбасс, как один из наиболее мощных индустриальных районов страны, крупнейший промышленный и сырьевой (угольно-металлургический) центр представлял для фашистов огромный интерес, поэтому они захватили его практически в первые же [месяцы] войны. Мама, бабушка, больной брат отца (инвалид) и я оказались на оккупированной территории. Немцы, выгнав нас из наших домов, сами заняли их, а мы жили в балке в маленькой сырой и холодной землянке без удобств и отопления. Было очень холодно и голодно. Тех, кто пытался использовать остатки еды, которые выбрасывали немцы в помойные ямы, фашисты могли просто расстрелять. Кроме немцев в Донбассе были также небольшие воинские части «союзников» гитлеровцев: румыны, чехи и итальянцы. Чехи были наиболее лояльны к мирному населению и даже разрешали ночью забирать себе остатки пищи, не съеденной ими. Все время хотелось есть. Съели всю домашнюю живность, включая и грызунов. Были случаи, когда мать варила в кастрюле вместо мяса камни – голыши, а на вопрос малышей «почему мясо такое твердое?» говорила: «Ничего, бульончика попьем». Мама моя изредка, собрав кое-что из домашнего скарба, летом с тележкой, зимой с санками ездила в ранее богатые сельскохозяйственные районы за 160 км от нас, и обменивала там привезенное на соль (большой дефицит тогда) и продукты питания. В одной из таких поездок они попали под бомбежку, во время которой погибла ее подруга.

Весной и летом спасали крапива и щавель, которыми нас кормили, а зимой с продуктами было очень трудно. Однажды, когда я была уже большенькая, бабушка подала мне на обед мышку. Несмотря на то, что есть очень хотелось, я отказалась от этого «блюда», а потом соседка меня накормила – они жили лучше нас, потому что у них была коза.

В памяти моей осталось воспоминание, когда одна из наших соседок угостила меня мармеладкой, так как у нее умер сын от скарлатины. Эту маленькую мармеладку я разделила на малюсенькие кусочки и угостила всех родных. Конфет и фруктов мы не видели, они были великим чудом.

Как мы выжили в тех жутких условиях, я не знаю. Поскольку всю войну мы жили в сырой неотопливаемой землянке, я росла слабенькой и постоянно страдала простудными заболеваниями. Лечили меня травами и «красным» аспирином, который впоследствии был признан вредным лекарством.

Одежды и обуви тоже не было. Помню, мне сшили матерчатые тапочки, и в них я бегала.

Особо хотелось сказать о людях, которые пережили страшную войну, у них были совсем другие отношения: душевные, добрые, они делились друг с другом и хлебом, и солью, и всем, чем могли.

Страшное горе постигло нашу семью, когда мою двоюродную шестнадцатилетнюю сестру Лиду немцы забрали для отправки в Германию. Она была очень красивая, с большой русской косой. У нее был прекрасный голос, очень похожий на голос Людмилы Зыкиной. Перед самой войной она как исполнительница русской песни участвовала в отборочном конкурсе в Москве и вышла победительницей. Ее ждала интересная жизнь в столице. Но начавшаяся война резко перевернула, изломала всю Лидину жизнь, и жизнь ее матери, которая решила разделить судьбу своей дочери, отправившись с ней в Германию. Они испытали все тяготы жизни узников концлагерей, пока не были освобождены весной 1945 года.

В двенадцати километрах от шахты, где мы жили, протекала небольшая речушка – Миус. Разгром немецко-фашистских войск в Курской битве 1943 года создал благоприятные условия для освобождения Донбасса, который захватчики стремились удержать любой ценой. Донбасс обороняли две армии (более 20 дивизий) группы «Юг». Передний край глубокоэшелонированной обороны противника проходили как раз по реке Миус.

Местное население оказывало посильную помощь в борьбе с оккупантами. Люди объединялись в группы и партизанские отряды для уничтожения фашистов.

Когда Донбасс освободили, в школе организовали госпиталь, где лечились наши раненые бойцы. Я со старшими девочками все время ходила в госпиталь и помогала, как могла: подавала бойцам воду, лекарства, поправляла постели. Я помню, меня попросили выступить перед ранеными. Я прочитала им много стихов, которые знала, и мне один солдат подарил настоящую куклу. Настоящих игрушек у нас тогда не было: дети и родители шили их из лоскутков от старой одежды, и мы играли ими. А на эту куклу все мои подружки приходили посмотреть, и мы обращались с ней очень бережно.

Война окончилась, вернулись домой фронтовики.

С упоением и гордостью я слушала рассказы о войне отца и дяди Миши – маминого брата. Он всю войну воевал на знаменитой подводной лодке [К-21], [атаковавшей находившийся в составе большой эскадры] линкор «Тирпиц» – гордость фашистского военно-морского флота. Дядя Миша был участником Парада Победы на Красной площади в июне 1945 года, награжден редкими орденами и медалями.

Отец участвовал в битве на Курской дуге, был несколько раз ранен, имел много боевых наград. Осколки от снарядов, сидевшие в его теле, как эхо войны, постоянно беспокоили его. Умер он рано.

В 45 километрах от нашей шахты находился город Краснодон. После войны, как и вся страна, мы узнали о героическом подвиге молодогвардейцев. Мы побывали на месте гибели героев, в музее молодогвардейцев.

Надо сказать, что не только в Краснодоне немцы сбрасывали замученных и расстрелянных советских людей в шурфы (заброшенные вертикальные шахтные выработки). Они использовали этот способ расправы над мирным населением везде, где были шахты. Сейчас на всех шахтах, где были шурфы, установлены памятники и мемориальные доски в честь тех, кто был там зверски убит, а порой заживо погребен. Крики и стоны погибших там людей врезались в память моих земляков. Они говорят, что «слышат» их до сих пор.

Битва за Днепр (26 августа – 23 декабря 1943 г.)

В военном Днепропетровске
(Воспоминания Юрия Леонидовича Комарова, доцента кафедры РЭКУ)

Я все годы войны находился в г. Днепропетровске, оккупированном немцами и их союзниками. Враги очень быстро перекрыли мосты через Днепр, и мы не успели эвакуироваться. Кроме немцев в армии оккупантов были румыны, мадьяры, итальянцы. Самыми доброжелательными к местному населению были итальянцы, а особенно жестокими – мадьяры и румыны.

Я жил недалеко от здания, где размещалась служба СС. Оно располагалось на перекрестке улиц Базарная и Красная. Этот дом даже немцы обходили стороной.

Надо сказать, что простые немцы относились к мирному населению довольно миролюбиво.

Вспоминаю случай, который произошел на стадионе, где и сейчас тренируются футболисты команды «Днепр». Ребятишки в возрасте 7-13 лет пытались взобраться на металлический столб высотой около 20 метров. Это никому не удавалось, а я сумел залезть на самый верх. Вдруг появился немецкий офицер. Ребята все разбежались, а я остался на столбе. Немец показал рукой, чтобы я слез. Мне ничего не оставалось как спуститься на землю. Он погладил меня по голове и дал конфету.

Другой случай. Мой 11-летний брат с друзьями натянули тонкую стальную проволоку через пешеходную дорожку на высоте 20 см., и вдруг на этой дорожке показался немецкий офицер с дамой. Ребята взрослые убежали, а я не успел. Немец упал, а дама к моему счастью осталась стоять. Немец поднялся и погнался за нами. Мне пришлось испытать «удовольствие» встретиться с ним. Он мне врезал такую пощечину, что я упал, но больше бить не стал.

В Днепропетровске было расстреляно более 10 тыс. евреев. Немцы заставляли их делать ступеньки в глубоком овраге. Потом ставили их на эти уступы и сверху из пулеметов расстреливали. После войны на месте их гибели был установлен памятник. Немецкие солдаты тщательно искали евреев в каждом доме, способ определения национальности был прост: поднимали за подбородок и всматривались в лицо. Удивительно, но определяли национальность они довольно точно. Конечно, все старались прятать еврейских детей в сундуках, на чердаках, то есть где только можно было найти укромное место.

С 1942 года начались поиски евреев – подростков (старше 12 лет). Их грузили в товарные вагоны и отправляли в Германию. Таких эшелонов было много.

Перед освобождением г. Днепропетровска нашими войсками немцы все население города срочно эвакуировали на запад: сначала в ближайшие деревни, а потом еще дальше. Нам повезло: мы спрятались на заброшенной мельнице, где во дворе был глубокий обширный погреб. Там смогли разместиться две семьи.

Второе везение – это быстрое наступление Советской армии. О нас забыли, и мы больше месяца жили на нейтральной территории, то есть с одной стороны немцы, с другой наша армия. Снаряды летали над нашими головами. Рядом был небольшой лес, где могли быть в кустах спрятаны «игрушки». Несмотря на строгий запрет ходить в лес, мы, ребяташки, умудрялись туда бегать. Один раз я в кустах нашел такую «игрушку», но вовремя ее увидел мой старший брат. Она оказалась гранатой. Он ее бросил в озеро, после чего всплыло много оглушенной рыбы.

Питались мы отрубями и остатками муки, которые были на мельнице, а также рыбой из озера. В городе во время оккупации нам выдавали продовольственные карточки. Помню – хлеб был с просом (пшеном) и кукурузой. Карточки были без срока давности, то есть положенный паек могли получить и через день, неделю и т.д., то есть они были всегда обеспечены товаром.

В октябре 1943 года Днепропетровск был освобожден, и мы вернулись в свою квартиру.